

УДК 008:93

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ (20–30-е гг. XX в.)

Н.Л. Лопатина

Доказывается, что использование образования в идеологических целях и отказ от культурного наследия в обучении явились причиной деградации образования в советской деревне.

Ключевые слова: образование; культура; знания; школа; идеология.

CULTURAL REFLECTION ON EDUCATION POLICY IN THE SOVIET COUNTRYSIDE
(20-30-ies of XX century)

N.L. Lopatina

It is proved that the use of education for ideological purposes and rejection of cultural heritage in training has resulted in degradation of the education in the Soviet countryside

Keywords: education; culture; knowledge; school; ideology.

Культура является фундаментом существования человечества, в ней отражены онтологические, аксиологические, гносеологические, социально-экономические и др. основания общества. Для формирования социализма с новой политической и хозяйственной структурой потребовалось изменить весь культурный пласт. Поэтому в 20-е гг. XX в. началась культурная революция. Борьба с неграмотностью объявлялась первостепенной задачей. По статистике в 1913 г. всего 54 % мужчин и 26 % женщин были грамотными [1, с. 264]. При работе с этими данными следует учесть несколько моментов. Во-первых, свидетельства князя А.И. Васильчикова, который собирал во времена царской России разного рода сведения о крестьянах. Он отмечал, что сбор информации среди крестьян крайне сложен. Деревенские жители, чтобы к ним было меньше вопросов, отвечали, что они неграмотные или малограмотные [2]. Во-вторых, доступное образование в церковно-приходских школах давало детям знание грамоты и математики. В-третьих, помимо общедоступных школ было “особое” образование. Этнограф А.Н. Энгельгардт написал в XIX в.: “Богачи, впрочем, и теперь учат детей, но в “своих”, а не в “приговорных” школах: сговариваются между собою несколько человек в деревне, наймут на зиму какого-нибудь солдата, он и учит” [3, с. 180]. Н.К. Крупская на XIII Съезде РКП(б) (1924 г.), отметила: “Кулаки не жалеют денег на

образование своих детей” [4, с. 457], указав тем самым на дореволюционные традиции и понимание значимости образования крестьянами. В-третьих, в статистику вошли и присоединенные территории, так называемые, окраины, где отношение к образованию было иным, чем у россиян.

Заставляет задуматься о малограмотности российских крестьян песенное творчество, которое, фиксирует объективную реальность. Песни не подтверждают мифа о безграмотности русского крестьянства. В них упоминается письменная деятельность как каждодневная. Из девичьей песни: “...Да с по белу бархотку, / Да отошлю ли я грамотку, / Да родимому батюшке” [5, с. 21–22]. “На зеленом, на лужку, / Писала тайности дружку. / Я писала тайности – / Люби меня до крайности [6, с. 15].

Маркиз де-Кюстин, посетивший Россию в эпоху Николая I, написал, что в России народ не знает арифметики и что “со стародавних времен люди считают при помощи костяшек, движущихся по прутьям в деревянных рамах. Каждая линия другого цвета – так различаются единицы, десятки, сотни и т. д. – чрезвычайно простой и быстрый способ подсчета” [7, с. 232]. Так путешественник описал способ подсчета, требующий специальной подготовки, которой сам не обладал. По сути, эти счеты – прототип счетной машинки.

В свидетельствах этнографов XIX в. А.Н. Энгельгардта, С.В. Максимова, А.В. Терещенко,

Г.И. Успенского [3; 5; 8–10] нет указаний на тотальную неграмотность крестьян. Если бы крестьяне были в большинстве своем неграмотными, то следовало бы предположить, что в исследованиях людей просвещенных это нашло бы отражение. У С.В. Максимова встречается понятие “темные крестьяне”, что обозначает их суеверия, а не безграмотность. При этом он описывал, как крестьяне переписывали друг у друга “сны Богородицы”, “Послания” [5, с. 131].

А.В. Терещенко полагал, что в России всегда делалось много для образования. Еще Борис Годунов предполагал открыть в Москве университет или, “по крайней мере, высшее народное училище” [9, с. 19]. Он считал, что с воцарением Романовых произошел прогресс в области образования: “...одним словом, столько открыто и распространено заведений по всей России, что всякому сословию и званию даны возможности получить образование” [9, с. 24].

Также следует понимать, что чтение – только один из каналов получения знаний. Традиционно знания обо всех сферах человеческого бытия передавались устно. У наших предков таких каналов было множество, среди которых важнейшее место занимала передача знаний через религию, традиции поколений, обрядовую культуру, песенное творчество и пр. Через них люди получали представление о мире и своем месте в нем, о морали и человеческих ценностях, о технологии обработки земли, о приемах избавления от болезней и др. В этом специфическом образовании обучение и воспитание выступало единым комплексом. Например, песня являлась источником разносторонних знаний, в том числе и исторических. В них содержались сведения о реальных исторических событиях с упоминанием деталей географии события, исторических персоналий, количества жертв и иных подробностей. В песнях присутствуют даже личностные характеристики исторических лиц [9]. Думается, что учебный материал урока и учебника не так эффективен для запоминания, как повторяемость песен.

Крестьянину не надо было читать книги и справочники для того, чтобы узнать, как и когда засеять поле, как доить корову, как печь хлеб и мн. др. Эти знания предков к нему пришли эмпирически, когда он помогал в детстве родителям. Советская же власть применяла другой метод. Например, для крестьянок выпускались обучающие дойке плакаты с указанием местонахождения вымени, рогов, копыт.

Целый социокультурный комплекс советские чиновники свели до упрощенного понимания умения читать и писать. В более поздние годы – до получения документа об образовании. Потому

успехи советского образования легко измерялись количественными показателями (ликбезов, школ, учителей, учеников, выпускников и пр.). Эти показатели значимы для отчетов, статей и монографий.

Знакомство с журналами для крестьян, издаваемых в царской России, дает основание полагать, что крестьяне не только умели читать, но у них была и потребность в чтении. Эти журналы откликались на потребности крестьянской аудитории, поэтому по их схожему содержанию и языковому стилю подачи материалов можно ориентироваться на духовные и интеллектуальные запросы жителей деревни. Статьи написаны доступным, но не упрощенным языком, очевидно, что рассчитаны не на примитивную читающую публику.

Например, журнал “Деревенский досуг” выпускался с 1906 г. В предисловии сказано, что это издание является общедоступным и недорогим. Основные темы статей: мироведение (“что есть земля”), народоведение (рассказы о народах мира – их истории, обычаях, нравах), естествознание, словарь иностранных слов, земледелие, лесные животные, полезные советы, о знаменитых людях, церковная тематика (рассказы о святых, религиозные пояснения, толкования). Журнал “Дачный и деревенский досуг. Полезный и интересный сборник для семейного чтения” (выпускался с 1906 г.) также был доступным изданием для крестьян. Издатели в предисловии указали, что причина издания в росте самообразования сельского обывателя России. Обычные рубрики журнала: статьи по мироведению и естествознанию; по земледелию; исторические очерки; описание стран, племен и народов, условия их жизни и быта; жизнеописание знаменитых людей; полезные советы по домашнему обиходу и промыслам; текущие события; словарь иностранных слов; разное – анекдоты, бытовые мелочи. Журнал “Крестьянское земледелие” (с 1908 г.) наполнен сельскохозяйственными советами и предложениями, объявлениями о продаже сельскохозяйственной техники.

По названиям журналов для крестьян можно судить о потребностях деревенского жителя. “Солнышко” (журнал для детей младшего возраста для городских и сельских школ); “Воспитание и обучение” (о вопросах обучения в семье); “Родник” (журнал для семьи и школы); “Тропинка” (детский журнал); “Образование” (литературно-политический и популярно-научный журнал); “Сельское хозяйство и лесоводство”; “Мельник” (журнал хлеботоргового и мукомольного дела); “Хутор” (практический сельскохозяйственный журнал); “Вестник русского общества пчеловодства”; “Земледелец”; “Молочное хозяйство, скотоводство, свиноводство, травное луговое хозяйство”; “Научный обзор

молочного хозяйства” (научные работы, открытия и исследования в области производства молочных продуктов). Таким образом, можно с уверенностью говорить о разносторонних духовных и нравственных запросах российского крестьянства.

Советская власть взяла под контроль все то, что читал российский крестьянин. Поэтому якобы в рамках борьбы с неграмотностью проводились публичные читки с идеологическими пояснениями в избах-читальнях, ликбезах, школах, кружках и т. п. Люди обязаны были присутствовать на этих мероприятиях.

С началом индустриализации в города хлынул поток крестьян. Их знания, накопленные предками, в новых условиях оказались неактуальными. Бывшие крестьяне оказались в положении маргиналов – уже отошли от крестьянской культуры, но еще не приобщились к городской. Власть в “борьбе за социализм по всему фронту” столкнулась с технической проблемой агитации и пропаганды. Потому 17 мая 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление “О работе по ликвидации неграмотности”, в котором поставил задачу дать начатки грамотности всем взрослым, особо выделив группы рабочих, батраков, колхозников” [11, с. 267–270].

Как обучались в школах, как проходила политика ликвидации неграмотности в деревне рассказали 149 респондентов 1904–1930 гг. рождения. Некоторые еще помнили досоветскую Россию и утверждали, что до революции дети были грамотными. “До революции почти все дети в нашем селе учились в школе и получали начальное образование” [12, с. 111]. Все респонденты утверждали, что “грамотных в деревне уважали”. К ним ходили за советом. Учитель пользовался особым уважением, перед ним каждый снимал шляпу.

Подавляющее большинство респондентов вспоминали, что в советской деревне учиться было некогда, но все же учились с охотой. Большинство указали, что учились 1–2 года. Редко кто закончил 4 класса: “А какое это образование 4 класса?! От нас требовались только рабочие руки и повиновение” [12, с. 91]. “Ученым” считался окончивший 7 классов. Также вспоминали, что родители зачастую не отпускали детей в школы. По словам респондентов, здесь было несколько причин. Во-первых, в ситуации сверхэксплуатации их родителей властью на детях лежала основная нагрузка по дому. Во-вторых, школы находились далеко от места проживания: детей страшно было отправлять, и им на дорогу требовались дополнительные силы и пропитание, а в условиях голода это было затруднено. В-третьих, многие родители видели в советской школе инструмент борьбы с семейными традициями. И родители были правы. Програм-

ма РКП(б) (1919 г.) так и ставила задачу: “Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизма” [13, с. 48]. Указывалось, что школа – орудие идейного, организационного и воспитательного влияния. В-четвертых, школы располагались в бывших домах репрессированных священников, кулаков, которые пользовались уважением. Поэтому крестьяне в знак протеста могли не пускать детей в такие школы.

По-разному вспоминали респонденты ликбезы – от вида развлечения до “ходили с неохотой”. Ликвидация безграмотности была направлена на взрослое население, которое якобы не смогло получить образование в царское время. Крестьяне признавали, что в ликбезах шло не обучение, а идеологическое воспитание: “Нас учили правильно понимать политику партии”. Также бывшие колхозники говорили о том, что из-за чрезмерной работы полученные знания оставались невостребованными и забывались.

Следует отметить, что приобретенные в школе и ликбезе знания оказывались малозначительными по сравнению с теми знаниями в области сельского хозяйства, быта, народной культуры, которые получал каждый крестьянин от предков по отработанным столетиями социальным каналам. Идеологизированный характер образования вызывал идиосинкразию у первого поколения крестьян, попавших в систему советского образования. Нежелание учить детей и учиться самим следует интерпретировать как пассивное сопротивление крестьян проникновения в их среду чуждой им идеологии и культуры.

На фоне усилий советской власти по искоренению вековой культуры народа (религиозной, обрядовой, праздничной, песенной, семейной) утверждение XVIII Съезда ВКП(б) (1939 г.) о будто бы значительных успехах в подъеме “всей национальной культуры” [14, с. 339] является безосновательным.

Вероятно, на XXII Съезде КПСС (1961 г.) не было оснований для выводов и о том, что в стране осуществлена культурная революция, которая “вывела трудовые массы из духовного рабства и темноты, приобщила их к богатствам культуры, накопленным человечеством” [15, с. 204]. Трудно согласиться, что минимальное обучение грамотности, описанное крестьянами, сумело действительно приобщить их “к богатствам мировой культуры”. Принимая во внимание богатый культурный опыт

российского народа, еще более спорным является вопрос о правомочности тезиса КПСС о пребывании этого народа будто бы в “духовном рабстве и темноте” до социалистических преобразований.

Напротив, есть основания для тезиса о деградации национальной культуры в связи с отказом от народных традиций. Умение читать и писать не может компенсировать богатства отвергнутой властью народной культуры. Даже в части обучения элементарным правилам грамматики есть сомнения. Общественный деятель и публицист П.Б. Струве в 1931 г. писал: “Все бьются, работают в две смены, лишь бы приработать побольше... И отцы, и матери – все на работе, дети без присмотра на улице. Поэтому распушены невероятно, от первой ступени до вузов... Такая безграмотность у всех, такое невежество, нечто ужасное, и притом полное непонимание того, что они ничего не знают, не умеют ни говорить, ни писать, ни читать прилично. Всем им кажется: и так ладно!” [16, с. 604].

Очевидно, что политика образования, которая сводится только к умению читать и писать, не является достаточной. Навыки письма и чтения не могут компенсировать утрату традиционных каналов образования и воспитания. Люди оказались оторванными от традиций, а знания из книг для большинства остались по разным причинам недоступными. Таким образом, сформировались негативные культурологические основания в образовании.

Литература

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в): в 2 т. Т. 1. / Б.Н. Миронов. СПб., 2000.
2. *Никулин А.М.* Князь Васильчиков: заботы секунданта / А.М. Никулин // История в подробностях. 2010. № 6. С. 56–69.
3. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1872–1887 / А.Н. Энгельгардт. М.: Мысль 1987. 634 с.
4. XIII Съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.
5. *Максимов С.В.* Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила / С.В. Максимов. Кемерово, 1991.
6. *Симаков В.И.* Сборники, собранные В.И. Симаковым / В.И. Симаков. Деревенские песни. Частишки Архангельской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской губерний. Вып. 9. СПб., 1912.
7. *Маркиз де-Кюстин.* Николаевская Россия / Маркиз де-Кюстин. М.: Тера, 1990. 288 с.
8. *Максимов С.В.* Куль хлеба / С.В. Максимов. Л.: Лениздат, 1987. 655 с.
9. *Терещенко А.В.* История культуры русского народа / А.В. Терещенко. М.: ЭКСМО, 2006. 736 с.
10. *Успенский Г.И.* От Оренбурга до Уфы / Г.И. Успенский. Уфа, 1982. 288 с.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1971.
12. *Лопатин Л.Н.* Коллективизация и раскулачивание; Очевидцы и документы свидетельствуют / Л.Н. Лопатин. Н.Л. Лопатина. Кемерово: Аксиома, 2009. 446 с.
13. КПСС в резолюциях... Т. 2. М., 1970.
14. КПСС в резолюциях... Т. 5. М., 1971.
15. КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1972.
16. *Струве П.Б.* Дневник политика: 1925–1935 / П.Б. Струве. М. – Париж, 2004. 870 с.